

Родион Витальевич битый час сидел над тетрадкой. Он поправлял очки вспотевшими от усердия руками, потом, не сумев «поймать фокус», снимал и, отстранив их от лица на вытянутую руку, обнаруживал, что стёкла заляпаны. Вздыхнув, брал цветную чистую тряпочку, старательно протирал и ловко садил «помощничков» на место.

Действо это продолжалось долго. Дело в том, что Родион Витальевич, семидесяти с небольшим, старик – «куриный фермер», как его называли соседи-дачники, писал объявление: «Продам, недорого, совсем молодого красивого петуха второгодника, которому просто нет места в курятнике, потому как там уже есть петух. И тот старый бьёт этого, а скандалы не нужны, куры волнуются. Кому надо, приходи...».

Взволнованный напряжённым поиском правильной мотивации объявления, поставив точку, дед несколько раз перечитал его и, не найдя недочётов, дописал адрес. Хрустнув суставами, поднялся, подойдя к бабкиной комнате, послушал её дыхание, на секунды затаив своё, и, удовлетворённый, нырнул к себе. Взглянув на часы, торопливо разделся и, по-

гасив свет, затаился на диване, стараясь теперь уже настроить себя на сон.

Строгий и родной Николай Угодник с пониманием смотрел на деда из своего правого угла.

***

Утром устал слушать бабку. По поводу петуха. Она вдруг закапризничала, решила за ночь, что молодого проще в суп. Хозяин же, стоя в дверях, упрекнул её:

– Может, хватит спорить... сколь мы их по жизни-то поели, сотни. А тут такой – бусый, горластый, гривастый! Пускай уж поёт, радуется кого.

Зная характер деда, бабка согласно махнула рукой.

На улице соседа окликнул, словно караулил, Веня, давний дачник, худой и ироничный, постоянно покупающий у деда яйца. Он внимательно прочитал написанное, стал серьёзным, при этом ловко проглотил свою улыбку.

– Кто так объявления пишет? – он развёл в стороны руки, – или тебе результат не важен? Я бы вот лично, даже если бы нужен был, такого не взял!

– Это почему же так? – дед вытянул из сжатой Вениной руки листок.

– Да потому... что же получается, ты молодого хочешь скинуть по поводу его бессилия, так?

– Не так, – робко сказал дед.

И в который раз торопливо перечитал текст: «... он здоровый и сильный... и, наоборот, куриц у старого отбирает...». Он поймал слезящимися глазами слова «... и тот старый бьёт этого...», разочарованно опустил руки.

– Я не то хотел сказать. Они просто бьются в кровь в курятнике: ни курам покоя нету, ни мне. И орать начинают, соревнуясь, кто раньше, ишшо с полуночи, задолго до зорьки...

Сосед с пониманием вздохнул, но упорно настаивал:

– А из текста видно – инвалида продаёшь или, наоборот, старого хвалишь. И непонятно, где кто. Почему имён-то у них нет? Сейчас любой животинке, хомяку бесполезному, и то имя дают, а тут петухи. Старый – молодой, один – второй. Где какой?

Он опять, отобрав у деда уже мятую бумажку, тыкал в неё указательным, с отбитым ногтем, пальцем.

– Я думал – обязательно имена. Они вроде все Петьки.

– Вот видишь, – Вениамин, дразня, прогнусавил под соседа, – все Петьки-и-и-и... Ан нет! Второму тоже имя надо!

– И как же его назвать, Васька что ли, или, можа, Орлом... но опять не к месту. Орёл – вроде хищник, а тут куры. Не совместь какая...

Доброжелательный сосед доверительно решил неожиданно возникшую дилемму.

– Я вечером подойду к тебе, покумекаем. Думаю, решим проблему. Что мы, два мужика, с петухами что ль не разберёмся?

Дед, боясь, что сосед передумает, сразу согласился, и они разошлись по дворам. Один – предвкушая вечером веселье, другой – радуясь, что не успел прилепить непродуманное объявление. «Подняли бы в деревне на смех. Желающих зубы поскалить вон сколь бродит. Дай повод».

Петухи, разделённые длиной сарая, без продыху орали, каждый из своего угла. А день, давно проснувшись, торопил привычными, но такими важными делами!..

***

Вечером соседи, уже три раза разогревая чай и не прикасаясь к нему, увлечённо сочиняли такую, как оказалось, важную бумажку. Только по сумеркам, под засвеченной и сразу

облепленной мошками лампочкой, несколько раз поспорив (громким шёпотом), убеждённые каждый в своей правоте, они кое-как закончили.

Снова разогрев чай с мёдом, выпили по стакану.

Провожая Вениамина, Родион Витальевич напомнил ему:

– Если дело не выгорит, Бусого заберёшь. А там уж как пойдёт у тебя. Или в суп, или курей заводи.

Попавший в такую неожиданную передрыгу, сосед успокаивал деда, а может, и себя.

– Да как такого хахаря не взять?! Узнают, с руками оторвут, с лапами, то есть. И с крыльями.

Утром, на прибитом к столбу широком фанерном щите, обозначенном как «Доска объявлений», появился листок с ровным, по-детски старательным почерком:

«За небольшие деньги, символические, продам петуха. Звать – Бусый. Очень красивый, с поставленным голосом. Хозяин!!! Гарантированно будет любить своих (ваших) кур. Без яиц не останетесь и утром – не проспите!»

И внизу, чтобы не сомневались в серьёзности предложения, печатными буквами знакомый адрес...

